

КРЕПОСТЬ ФУНА В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО

Изучение фортификационно-археологических комплексов крепости Фуна — западного форпоста княжества Феодоро — и письменных источников позволило сделать вывод, что крепость служила одним из важнейших опорных пунктов княжества в период борьбы с генуэзской Колонией и препятствовала продвижению противника в глубину Крымского нагорья.

Строительные мероприятия феодоритов 60–80-х гг. XIV в. по укреплению столицы княжества [18, с.9–11; 6, с.39–42] не ограничивались только лишь возведением крепостных стен на Мангупе. Именно к этому времени относится строительство целого ряда небольших замков в горном Крыму, которые как бы оконтуривают владения господ Феодоро, помогая определить их границы. На востоке это Фуна, Басман, Яман-Таш, Керменчик; к западу и юго-западу от Мангупа — Сандык-Кая, Черкес-Кермен, Камара, Каламита, Чоргунский исар, Кала-Фатлар, Сарджик, Кокня-Исар; на Южном берегу — Гелли-Кая, Учансу-Исар, Хачла-Каясы, Ай-Тодор, Лимена-Кале, Форос (?) и др. (рис. 1). Особое место в этой системе укреплений занимают крепости Фуна и Каламита, служившие соответственно восточным и западным форпостами княжества Феодоро. С одной стороны, эти замки сдерживали продвижение генуэзцев в горную часть полуострова, а, с другой — служили плацдармами для отвоения захваченных генуэзцами в XIV в. приморских городов — Алушты и Чембало.

Владетели Мангупа придавали большое значение укреплению этих двух замков, о чем красноречиво свидетельствуют строительные надписи, украшенные гербами князей, которые были найдены при раскопках Фуны [23, с.104, рис. 5] и Каламиты [2, с.1–4].

Замок Фуна находится к северу от с.Лучистое у подножия горы Южная Демерджи. Оборонительные сооружения этого укрепления неоднократно привлекали внимание ученых еще в XIX в. Так, в 1819 и 1833 гг. Фуну, известную в то время как Демерджинское укрепление посетил П.И.Кеппен [11, с.17–19, 115]. Он составил план видимых на поверхности оборонительных стен. В 1821 г. памятник обследовали К.Келлер и Е.Паскаль, которыми были выполнены рисунки крепостных стен, архитектурных деталей и составлен план укрепления [12, с.391]. К сожалению, эти материалы впоследствии были утеряны. Позднее, в 1889 г. к изучению фортификации Фуны обратился А.Л.Бертье-Делагард, который сделал съемку крепости и обмеры располагавшейся в ней церкви [1, л.31, 32]. Следует отметить, что планы укрепления, выполненные П.И.Кеппеном и А.Л.Бертье-Делагардом, в значительной степени отличаются между собой. На восточной линии обороны у

каких-либо строительных остатков найдено не было. Тем не менее авторы раскопок продолжали настаивать на том, что именно здесь располагались крепостные ворота [15, с. 116].

В 1980 г. были начаты систематические раскопки крепости, которые продолжаются до настоящего времени [23, с. 97–114]. За несколько лет работ удалось детально изучить полностью восточную и северную линии обороны (рис. 2). К концу полевого сезона 1990 г. на памятнике была вскрыта площадь более 2500 м², что составляет примерно 50 % его территории.

Исследования Фуны показали, что укрепление представляет собой сложный разновременный архитектурно-археологический памятник. На его территории открыты строительные остатки XII–XIX вв. Наиболее ранние фортификационные сооружения относятся к рубежу XII–XIII вв. Небольшой фрагмент оборонительной стены этого времени, сложенный из бута на известковом растворе, выявлен в 1990 г. Она имела ширину около 1,5 м и, располагаясь по склону, отгораживала с восточной стороны территорию площадью около 0,3 га. Стены XII–XIII вв. оказались почти полностью разрушенными при строительных работах XIV–XV вв. Поэтому план укрепления этого периода выяснить не представляется возможным. В XIII–XIV вв. на скальной возвышенности размещались строения поселения, которые были разрушены после сильного пожара в XIV в. В конце этого же столетия на этом участке возводятся новые оборонительные стены, которые по планировке не совпадают с ранним укреплением XII–XIII вв. и перекрывают остатки строений более раннего времени.

Укрепление, возведенное в конце XIV в., занимало вершину скальной возвышенности и образовывало крепостной полигон площадью уже около 0,49 га. Его плановая структура и усовершенствованные впоследствии основные конструктивные узлы, в целом, были созданы в период основания (рис. 2, 2). Вся система обороны членится на четыре основных участка: восточный, северный, западный и южный. Крепостные стены располагались по всему периметру и были в основном подчинены микрорельефу местности. При строительстве укрепления максимально использованы фортификационные возможности скальных образований, что позволило основные строительные усилия сосредоточить на устройстве восточной, северной и частично западной линий обороны. С юго-западной стороны крепостная площадка имеет небольшие отвесные скалистые обрывы высотой в 5–7 м. Поэтому здесь, по всей видимости, был сооружен каменный парапет, который предохранял защитников от случайных нападений, а также защищал от возможного нападения с этой стороны. Вдоль кромки скалы на этом участке сохранились подтески скальной поверхности для установки парапета и лестница в несколько ступеней, ведущая на боевую площадку. Здесь же в скальных образованиях мог находиться и потайной выход из укрепления.

Западная линия обороны почти полностью разрушена и в настоящее

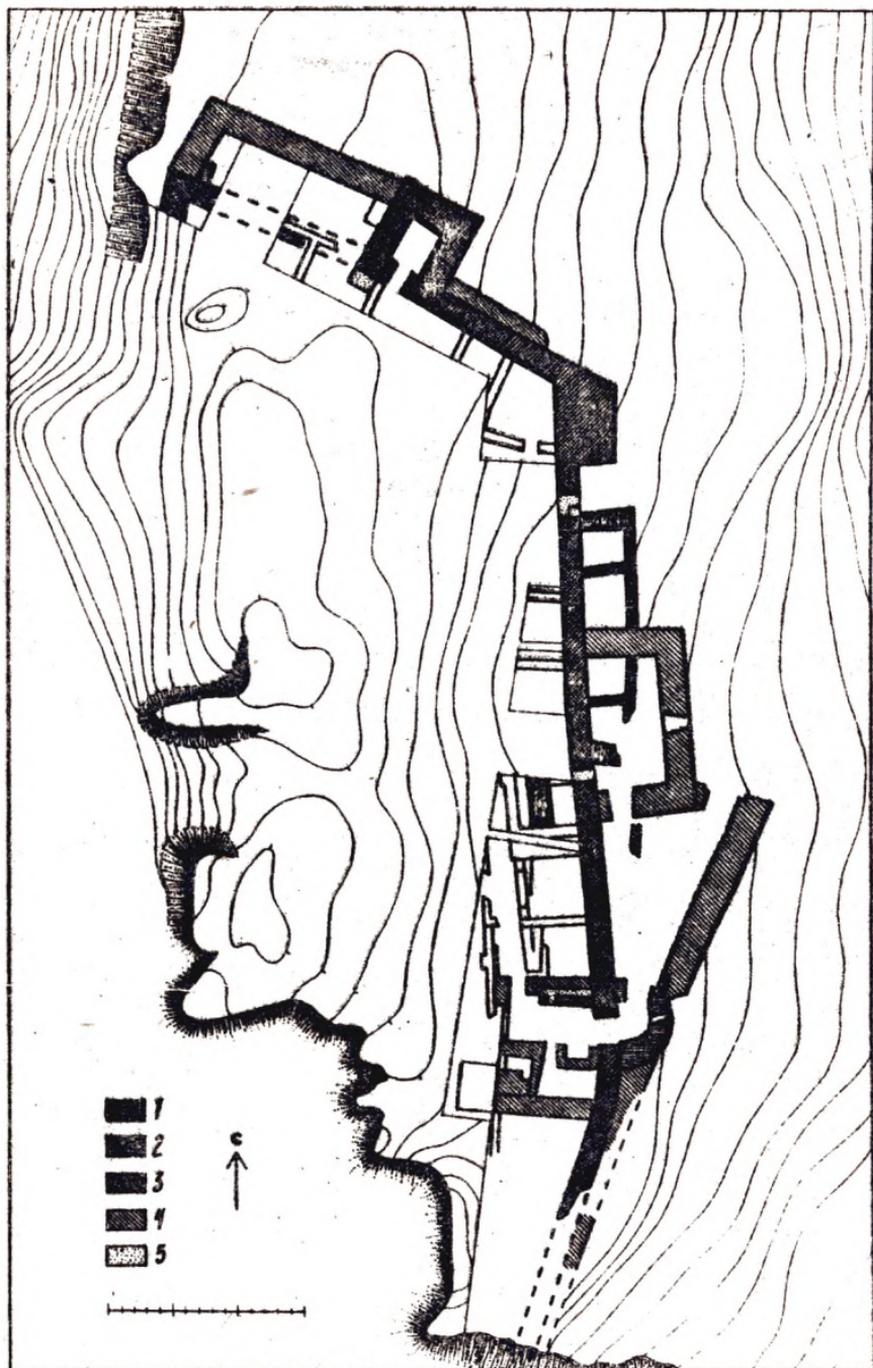

Рис. 2. План укрепления Фуна:
 1 – XII–XIII вв.; 2 – конец XIV в.; 3 – начало XV в.; 4 – 1459 г.; 5 – ремонтные дополнения

время на поверхности не прослеживается. Небольшой ее участок был открыт раскопками на месте стыка западной и северной крепостной стен. Сравнение полученных археологических данных с известными иконографическими материалами показывает, что эта оборонительная линия более точно изображена на упоминаемом плане П.И.Кеппена — здесь стена проходила в виде ломаной линии по склону, включая скальные выступы.

Значительно лучше сохранился северный и восточный участки обороны, что позволяет получить более полное представление о первоначальной фортификационной структуре укрепления. Они имеют протяженность соответственно 39 и 75 м и являлись наиболее ответственными оборонительными рубежами.

Лучше всего была укреплена северная линия обороны. Вероятно, с этой стороны ожидался основной удар противника. Примерно в центре оборонительной линии помещалась прямоугольная в плане башня размером 7,7х6,7 м, выступающая во фронте куртин на 6 м. Толщина ее стен 1,65—1,8 м. Вход находился в южной стене и имел ширину 1,37 м. Башня была, видимо, двухэтажной, закрытого типа и вполне могла использоваться в качестве донжона. Ее первый этаж несомненно был хозяйственным, свидетельством чего служат открытые раскопками остатки пифосов у восточной стены, в которых, вероятно, содержали запас воды и провианта. Куртины и башня поставлены на склоне, между собой перевязаны. Их одновременное возведение отчасти связано с существованием прежде на этом месте прямоугольной в плане постройки, руины которой органично были включены в кладку нового сооружения.

С тыльной стороны к юго-западному углу башни позднее был построен мощный пилон прямоугольной в плане формы размером 2,25х1,49 м, который, видимо, предназначался для поддержки деревянного настила, лестницы или обходной площадки.

Куртина, располагавшаяся к западу от башни, сохранилась фрагментарно, поскольку была разобрана при более поздних перестройках XV в. На протяжении 15,5 м эта стена прослеживается по заливке известкового раствора, сохранившегося на скальной поверхности, и по отдельным камням, образывавших лицевую часть кладки. Ее ширина 1,6—1,7 м. Такую же ширину имела и восточная куртина северной линии обороны.

Наибольшая по протяженности восточная оборонительная линия первоначально была наименее укрепленной. Весь этот ответственный и достаточно уязвимый участок обороны фланкировала только одна, расположенная на стыке северной и восточной крепостных стен, трапециевидная в плане башня размером 7,85 (5,53)х4,67 м. Она представляла собой монолитную в основании конструкцию, над которой возвышалась башня бастионного типа или могла располагаться площадка для установки камнемета, позволяющая обстреливать большой сектор пред-

польного пространства. Аналогичные трапециевидные башни с монолитным нижним ярусом известны еще на нескольких укреплениях XIII—XIV вв. в горном Крыму: Сюрю-Кая, Лимена-Кале, Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен [22, с.228—248]. Угловая башня Фуны выступая за линию стены на 2,76 м и прикрывала два входа, которые находились в восточной куртине: один — рядом с башней (в 2,36 м от нее), а другой — в 45 м к югу. Первый представлял собой вылазную калитку (потерну) шириной 1,58 м, второй же выступал основным входом в укрепление.

Выполнение крепостной стены восточной линии обороны первоначально без башен в некоторой степени было определено естественной защищенностью участка резким падением рельефа к востоку. Однако при ее возведении в местах предполагаемого устройства башен* в кладке были предусмотрены проемы, один из которых в южной части стены и служил для въезда на территорию укрепления. Дополнительную защиту крепостным воротам, кроме упомянутой выше угловой башни и падения рельефа, обеспечивало также само их расположение в конце оборонительной линии. Такое устройство входа, рационально используя фортификационные особенности местности, создавало значительные неудобства наступающему противнику, вынуждая его длительное время двигаться вдоль крепостной стены незащищенным правым боком. К тому же обороняющиеся всегда могли сделать вылазку в тыл штурмующих через потерну у угловой башни.

Как уже отмечалось, ворота первоначально были безбашенными и представляли собой простой арочный проход в стене. Подобное устройство входа довольно характерно для многих укреплений Крыма**, а также за его пределами [8, с.94, 107, 142; 14, с.204] в других регионах средневекового мира. Вход имеет ширину 1,93 м при толщине стены на этом участке 1,8 м. Угол падения скальной поверхности в зоне ворот составляет около 15° и образует перепад высот с внутренней и напольной сторон крепостной стены до 0,5 м. Для его погашения в проеме заподлицо с внешней поверхностью куртины из разномерного необработанного бута на известковом растворе сложен порог высотой 0,12 м и шириной 0,45 м. От арки, перекрывавшей вход, сохранились отдельные пяточные камни из обработанных блоков известкового туфа вторичного использования. Реконструируемая высота входа составляет снаружи 3,2 м, изнутри — 2,9 м. Первоначальные воротные конструкции не сохранились. Вероятно, ворота были деревянными и открывались наружу.

С внутренней стороны крепостной стены при обследовании более

* Кроме угловой и въездной, сооружение башен, вероятно, предполагалось и в центральной части крепостной стены на месте ее излома. Обследование участка куртины в этом месте позволило выявить заложенный проем шириной 0,83 м.

** Только около 10 % всех средневековых укреплений Горного Крыма имели надвратные башни.

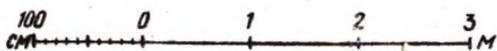
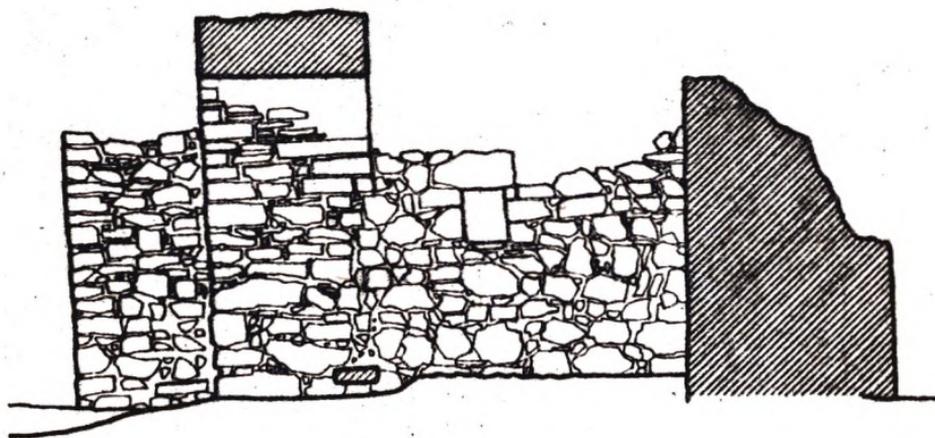
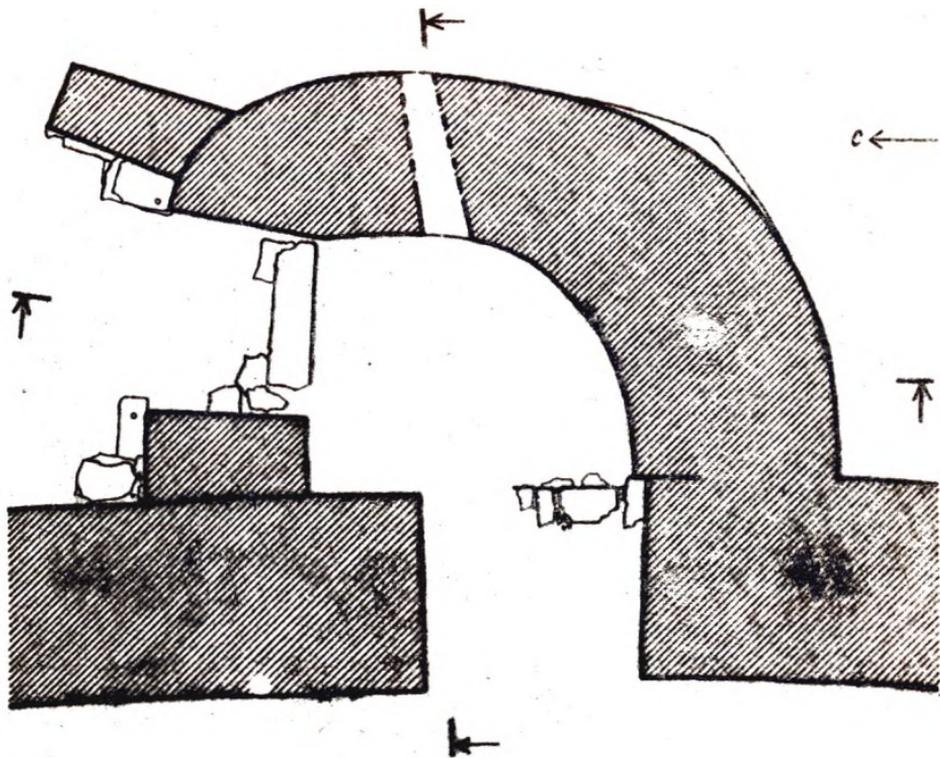

Рис. 3. Въездная багча:

1 — план; 2 — сечение север-юг; 3 — сечение запад-восток с реконструкцией (поздние по времени кладки условно не показаны)

поздних по времени кладок были обнаружены заложенные ступени каменной лестницы, которая вела на восточную куртину (рис. 3, 1). Она имеет редкое для средневековой фортификации конструктивное решение. Лестница поставлена перпендикулярно к стене в 0,65 м к северу от входа в крепость. Чтобы не прерывать сообщение вдоль крепостной стены, лестница у куртины имеет проход шириной 1,1 м. Проем завершался стрельчатой аркой из туфовых блоков с пролетом 0,97 м и стрелой подъема около 0,65 м. Реконструируемая высота прохода равна 2,4 м. В настоящее время от арки сохранилось несколько нижних камней, но они позволяют выполнить достоверное воссоздание ее первоначальной конструкции. Тем более, что после упразднения лестницы, причины которого неизвестны, последняя была заложена, а ее арка продублирована новой аркой. Вероятно, тогда же в арке лестницы были вырублены пазы шириной 0,08 м под дверную коробку.

Сохранившиеся шесть ступеней в целом незначительно отличаются по размерам: проступь — 0,27—0,33 м, подступенок — 0,25—0,27 м. Ширина лестницы 0,84 м. Линия подъема с условной горизонталью образует угол 40° . В настоящее время все стены укрепления в связи с оползневой подвижкой платформы, на которой оно расположено, имеют общий наклон к северо-востоку. Следовательно, первоначальный угол подъема лестницы был около 45° . Это позволяет довольно точно определить отметку боевого хода стен укрепления восточной линии обороны. Так, на участке крепостных ворот боевая площадка находилась на высоте 4,2 м от уровня дневной поверхности XIV в. с напольной стороны стены. Эту же отметку следует принять и для пола второго этажа появившейся позднее (в начале XV в.) надвратной башни. Общая реконструируемая высота восточной куртины с парапетом и зубцами составляет 6,0—6,5 м. Вероятно, такую же высоту имели куртины и на других участках обороны (рис. 3, 3; 6, 1).

Следует отметить остроумность решения, при котором, используя резкий уклон рельефа, строители укрепления, разместив лестницу перпендикулярно куртине, значительно сократили длину, а значит, и время подъема на боевую площадку. Данный фортификационный прием — явление неординарное и в крепостном строительстве средневекового Крыма отмечено впервые. Редким он является и за его пределами. Подобное конструктивное решение использовано на близком по времени замке Montaner во Франции [35, с. 776], где, однако, перпендикулярная постановка лестницы вызвана, прежде всего, плотной внутрикрепостной застройкой и ограниченными размерами территории.

В начале XV в. в оборонительной системе крепости Фуна произошли существенные изменения, способствовавшие ее усилению (рис. 2, 3). В это время сооружается дополнительно еще две башни: одна над входом в укрепление, а вторая на стыке северной и западной куртин. Северо-западная угловая башня сохранилась плохо. Трудно установить ее размеры. Она была пристроена с внешней стороны куртин и выступа-

ла за их линию на 2,5—3,0 м. Своим основанием угловая башня опиралась на небольшой скальный выступ и представляла собой (как и северо-восточная башня) монолитную конструкцию. Ее общие размеры составляли примерно 4,6x5,0 м.

Сооружение полукруглой въездной башни стало важным строительным мероприятием по усилению крепостных ворот. С устройством в башне входа с севера существующая ось движения изменила направление, создав дополнительное удобство для их обороны. Само же сооружение башни, помимо сплошного околостенного фланкирующего и верного прострела, обеспечивало крепостным воротам также сильное фланговое прикрытие подступов к ним. Башня пристроена к стене без перевязки. Однако наличие шва, часто используемого в крепостном строительстве для избежания передачи нагрузки от башни на крепостную стену, в данном случае при ее установке на скальное основание свидетельствует о вторичности по отношению к куртине. Это подтверждается также результатами химико-петрографического анализа, выделившего кладочный раствор башни в отдельную группу, особенности которой не отмечены на остальных постройках укрепления [24, с.5]. При строительстве башня перекрыла первоначальный вход в крепость на 0,05 м, сузив его до 1,87 м.

За пределами крепостной стены воротная башня выступает на 3,6 м, ее ширина 6,4 м. Размер внутреннего пространства 3,07x2,3 м. Толщина стены нижнего яруса башни колеблется в пределах 1,5—1,8 м; во входной северной части она составляет 1,6 м. Проем входа в плане слегка трапециевидный шириной 1,73 м, сужается вовнутрь до 1,6 м. Его высота 2,5 м. Проход перекрывался цилиндрической аркой из рваного плоского бута на известковом растворе. Лицевые поверхности арки набраны из тщательно отесанных блоков известкового туфа, в основном, вторичного использования. На одном из них сохранились фрагменты фресковой росписи неизвестной культовой постройки.

В центральной части башни с внутренней стороны стены на высоте 1,2 м от уровня пола открыто прямоугольное отверстие размером 0,4x0,5 м (рис. 2; 3). Облицовка проема в кладке стены характером обработки и размерами используемого камня не выделяется. Изучение в натуре сохранившихся остатков лицевой части отверстия в сопоставлении с обмерными чертежами А.Л.Бертье-Делагарда [1, л. 32] позволяет рассматривать его как бойницу, а также реконструировать ее полностью. Бойница относится к раструбному типу. Снаружи ее проем сужается до 0,3 м с сохранением высоты (0,5 м). Бойница расположена под углом 10° к оси башни и направлена на северо-восток, обеспечивая контроль обширного пространства центральной части поселения.

Первоначальная высота башни не известна. Однако, судя по незначительной толщине стен в нижней части, она была двухярусной открытого типа с боевой площадкой, защищенной парапетом и зубцами (рис. 3, 3; 4). Реконструируемая высота башни составляет около 10 м,

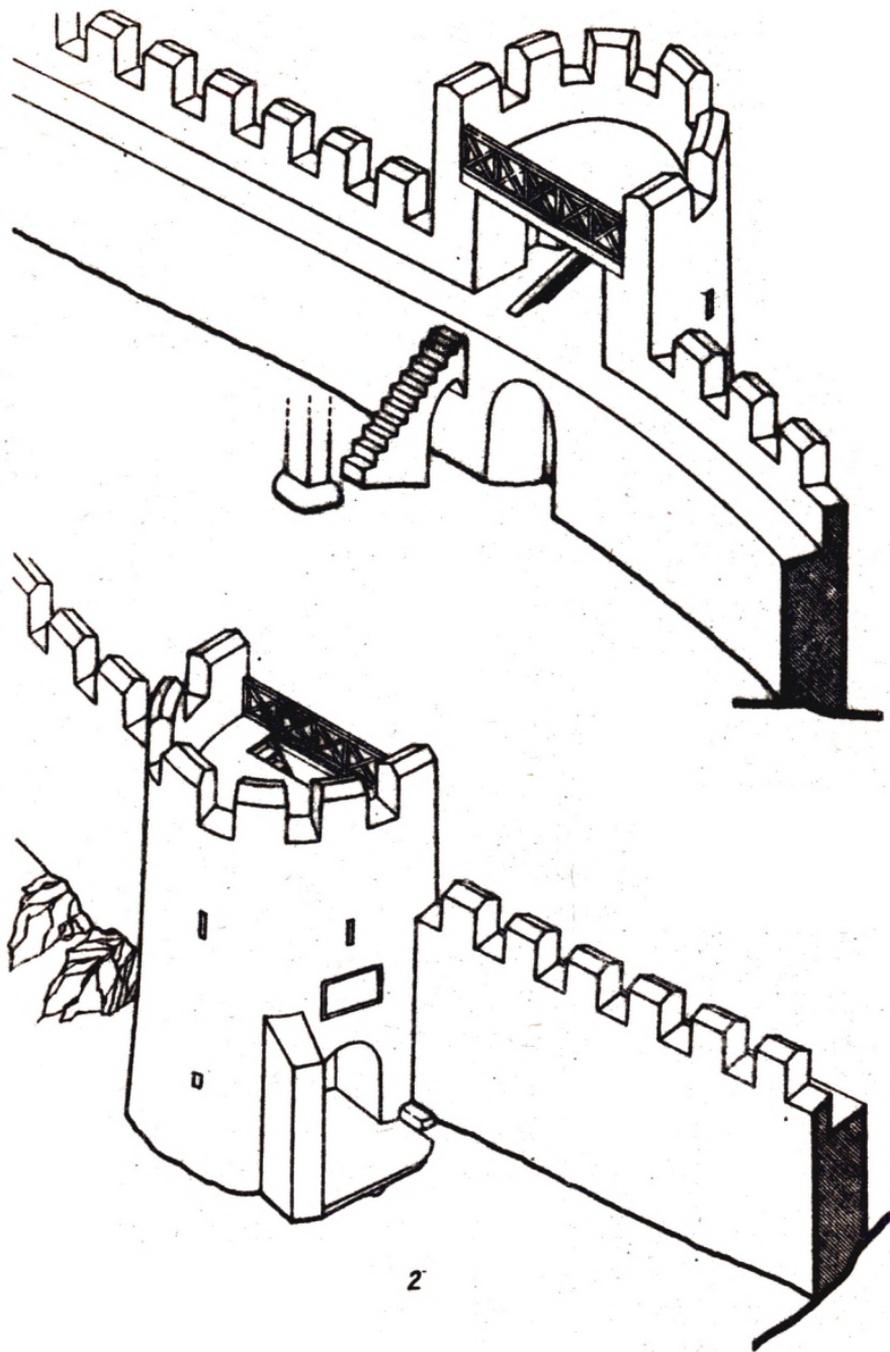

Рис. 4. Въездная башня. Реконструкция:

1 — вид с юго-запада; 2 — вид с северо-востока (воротные конструкции условно не показаны)

что в целом характерно для провинциально-византийской школы оборонного зодчества средневековой Таврики этого периода [22, с.8].

Перед башней и внутри прохода выполнен порог в виде единой площадки из тщательно обработанных плит пещаника и конгломерата, отдельные элементы которого раскопками были обнаружены *in situ* (рис. 3, 1). Его высота 0,22 м. Под порогом устроен водосток сечением 0,5x0,1 м. Пол внутри башни максимально выровнен: складки скальной поверхности заполнены материковой глиной и вымощены хорошо подобранным разномерным необработанным бутом.

Воротные конструкции были наружные, двукрылые. В камнях порога, примыкающих снаружи к башне, сохранились гнезда для осей воротных полотен. Они расположены в 0,07–0,08 м от лицевой поверхности башни и в 0,1–0,12 м от углов входного проема. Расстояние между ними 1,95 м. Гнезда имеют конусообразную форму со скругленной вершиной. Их диаметр и глубина составляют по 0,05 м.

Для дополнительной защиты входа от обстрела камнеметными машинами, а, возможно, и артиллерией, он с востока прикрывается стеной длиной 1,25 м и толщиной 0,72–0,85 м, пристроенной к башне в 0,32 м от проема. Ее первоначальная высота была около 3,0 м. Устройство этой защитной стены завершило формирование комплекса главных ворот, обеспечив им эффективную обороноспособность в системе укрепления (рис. 4, 2).

При раскопках надвратной башни в 1980 г. у входа, с внешней стороны, в слое завала были найдены три нестыкующихся между собой фрагмента перелицованного надгробия, на одном из которых изображен св. Георгий Победоносец (рис. 5). Плита имела прямоугольную форму, но периметру была обрамлена слегка скошенной внутрь рамкой шириной 0,05 м и высотой 0,029 м. Общие размеры плиты установить не удалось. Изображение располагается в нижнем правом углу и было процарапано острым предметом по тщательно выровненной поверхности. Справа, вероятно, находилась надпись. Рисунок выполнен несколько схематично, но в целом достаточно хорошо передает один из наиболее распространенных и почитаемых подвигов чудесного заступничества св.Георгия — избавление от дракона. Георгий Победоносец в воинском доспехе с развевающимся щитом и нимбом над головой скачет влево, поражая копьём дракона в открытую зубастую пасть. Изображение основных действующих персонажей отличается различной степенью проработки. Наиболее реалистично, как ни парадоксально, изображены извивающийся в борьбе дракон, а также конь, попирающий его ногами и поливающий мочой. Образ же собственно героя крайне упрощен и статичен, фигура сгорблена, пропорции тела значительно нарушены, детали схематизированы, а сам он лишен святого величия. Характерной особенностью рисунка является таранящий удар копьём, наносимый св.Георгием дракону, что свидетельствует о хорошем знании мастером современной ему тактики ведения боя. Важными элемен-

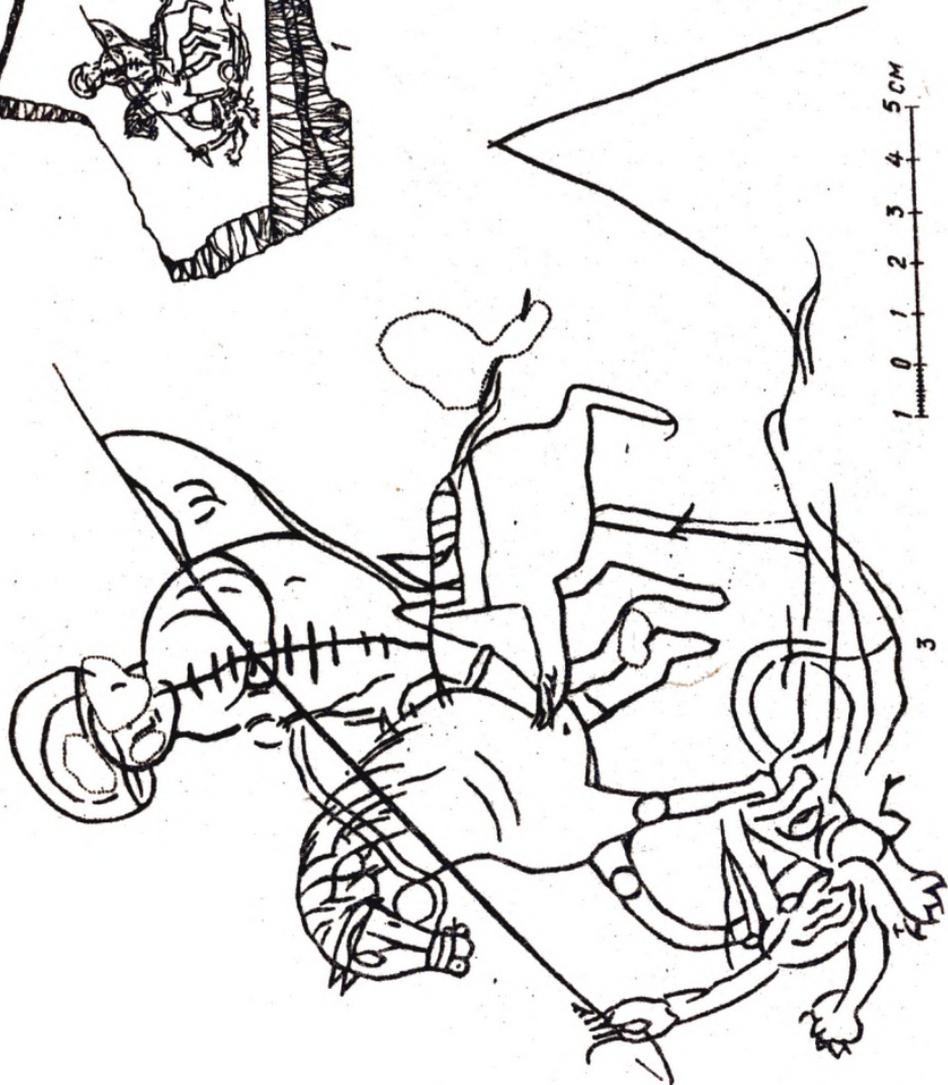
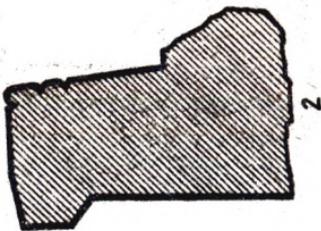

Рис. 5. Фрагмент плиты с изображением Георгия Победоносца:
1 — общий вид; 2 — сечение; 3 — прорисовка граффити

тами композиции выступают также гора, из-под которой выплывает дракон, и два знака, находящиеся несколько в стороне, справа: шестиконечная звезда и месяцеобразное изображение, расположенное над ней. Семантика последних не совсем ясна, однако, по всей видимости, для мастера они являлись наиболее характерными символами врагов, представителем которых мог выступать дракон.

Лицевая поверхность плиты имеет следы воздействия сильного огня, в результате чего образовался прокол камня глубиной до 0,7 м. Это наблюдение дает основание предполагать ее расположение непосредственно над входом в укрепление (рис. 4, 2), воротные конструкции которого могли выступать мощным источником горения. находка данной плиты с рисунком позволяет высказать предположение, что надвратная башня Фуны носила имя св. Георгия. Косвенно это предположение подтверждает сообщение Д.М.Струкова, что в апсиде церкви, выстроенной впоследствии на руинах башни, еще в 70-х гг. XIX в. сохранилось изображение Георгия Победоносца [27, с.12].

В первой половине XV в. в крепости произошел сильный пожар, после которого были частично разрушены некоторые участки оборонительных стен и внутрикрепостная застройка [23, с.102].

Восстановительные работы в крепости были завершены в 1459 г. [23, с.104]. К этому времени оборонительные сооружения Фуны подверглись существенной перестройке практически на всех участках (рис. 2, 4). Куртина, располагавшаяся к западу от прямоугольной башни, была разобрана почти полностью. Новая стена выдвигается во фронт и устанавливается в створе с северной стеной башни. Северо-западная угловая башня не восстанавливается. Перекладывается большой участок куртины к югу от угловой трапезиевидной башни, а сама она, по всей видимости, надстраивается. Появляются новые монументальные сооружения в центральной части восточной линии обороны, во многом определившие фортификационную структуру замка этого времени: прежде всего, донжон и двухэтажная церковь св.Феодора Стратилата.

Церковь выстраивается над рассмотренным выше входом в укрепление, удачно включив в конструкцию стен первого этажа ранее существовавшие на этом месте кладки сооружений главных крепостных ворот. Ее размеры с пристройками составляют 14,4х11,3 м, реконструируемая высота (до конька крыши) — около 9,0 м. Анализ архитектуры храма позволил отметить ряд особенностей, характерных для армянской средневековой архитектуры, что, по всей видимости, было связано с происхождением владельцев замка [13, с.64—72]. При реконструкции и надстройке башни в нижнем этаже сохраняются входные проемы, а также бойница у входа, позволяющие, как и прежде, испол-

зовать его в боевых действиях. Второй же этаж, где находился собственно храм, судя по иконографическому материалу [11, с.18–19; 1, л.31, 32], к ведению боя совершенно не был приспособлен. Напротив, возведение церкви в этом месте сильно ослабило восточную линию обороны, создав значительное непростреливаемое пространство. Для ликвидации этой "мертвой зоны", образовавшейся перед апсидой, с севера к ней была пристроена мощная крепостная стена длиной 16,8 м и толщиной 2,7–2,8 м со скошенным южным торцом, а с юга в створе с последней вдоль существующей куртины выполняется утолщение основания с наклоненной верхней гранью. В результате этих дополнений апсида оказалась почти полностью утопленной в новую линию обороны (рис. 2, 4), что позволило в некоторой степени усилить данный участок.

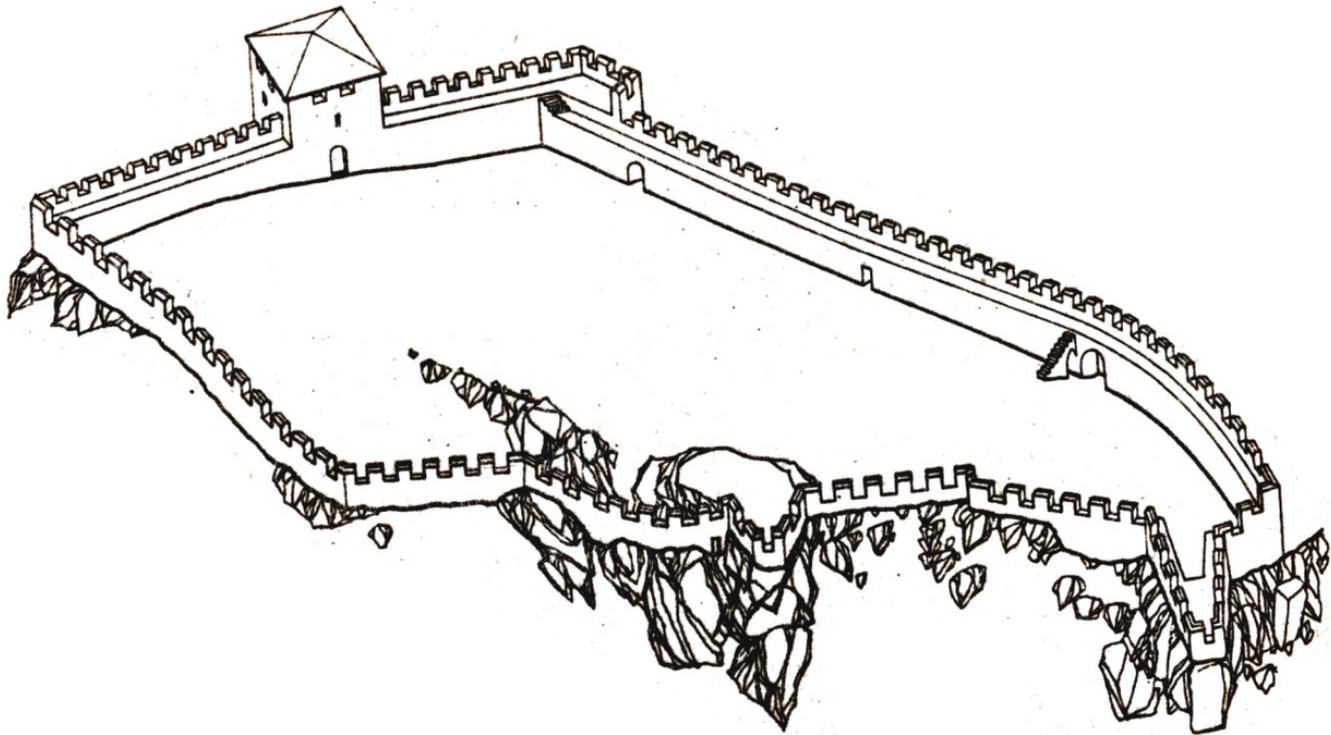
Повышение уровня дневной поверхности внутри бывшей въездной башни на 0,3 м при реконструкции замка сделало невозможным восстановление и использование первоначальных воротных конструкций. Новый вход в замок устраивается между юго-восточным углом донжона и крепостной стеной, пристроенной к храму с севера. Его ширина 2,35 м. С внешней стороны, по углам стен, на которые опиралась арка прохода, сохранились четверти размером 0,38 (0,42)х0,2 м для установки воротных конструкций. Упразднение полукруглой въездной башни, которая защищала вход в крепость, в 1459 г. было компенсировано сооружением специального закрытого дворика, окруженного оборонительными стенами. Проникнув в этот двор, противник оказывался в "каменном мешке", подвергаясь обстрелу со всех сторон. Таким образом, к 1459 г. на Фуне была создана сложная система защиты крепостных ворот, не имеющая аналогов в крымской фортификации XIV–XV вв. Подобные системы входов получили распространение в крепостном строительстве в Болгарии XIII–XIV вв. и известны в замке "Баба Вида", дворцовом ансамбле Царевграда Тырнова, в крепости Рам [30, с.73]. Сходные по планировке входные устройства, известные также в Порховской (возведена в 1387 и перестроена в 1430 гг.), Изборской, Острожской, Псковской крепостях, получили в русской фортификации название "захабов" [25, с.151–152, рис. 118, 121, 122, 124; 14, с.248–261, рис. 136, 3, 8, 144, 145, 147, 149, 150].

После реконструкции крепости Фуна в 1459 г. основную роль в ее обороне играет донжон (рис. 6, 2; 7, 3), который относится к типу межстенных башен. Последние, как правило, имели многоплановое функциональное назначение. Они служили для жилья, в них хранили припасы продуктов и вооружение, они также обеспечивали прикрытие ворот, потерн, из них вели фланговый и фронтальный обстрел. Все эти функции выполнял и фунский донжон.

Открытие этого памятника помогает, на наш взгляд, решить вопрос, по поводу которого длительное время ведутся споры, а именно: определить время строительства цитадели Мангула. Впервые раскопки донжона на мысе Тешкли-Бурун в 1913–1914 гг. провел Р.Х.Лепер.

Но эти исследования дали только позднесредневековый материал, и Р.Х.Лепер пришел к выводу, что цитадель была возведена турками. К такому же заключению, но только на основании анализа фортификационных особенностей цитадели (устройства амбразур, обеспечение флангового обстрела, значительный вынос башни перед линией куртин, использование в кладке христианских надгробий), пришел и А.Л.Бертье-Делагард [2, с.40], который еще в 1889 г. выполнил обмеры мангупского донжона [1, л. 39]. Эту точку зрения поддержали многие исследователи, и она стала господствующей в научной литературе [29, с.94]. Однако о происхождении укрепления на мысе Тешкли-Бурун, кроме "турецкого", высказывались и другие мнения. Наиболее раннюю дату предлагал Е.В.Веймарн — VI в. [4, с.125]. Н.И.Репников, А.Л.Якобсон и А.Г.Герцен считали, что цитадель была возведена в дотурецкий период (XIV—XV вв.) и впоследствии турки лишь перестроили ее [26, с.249; 3, с.126; 5, с.89]. Сравнение мангупского донжона с фунским показывает, что последний является несколько уменьшенной копией башни цитадели на Тешкли-Буруне. Сходство в размерах и устройстве входов, амбразур, толщине стен, технике кладки и т.д. дает основание утверждать, что цитадель Мангула была сооружена в середине XV в. [23, с.112], вероятно, одной и той же строительной бригадой.

Донжон цитадели Мангула сохранился значительно лучше фунского. Поэтому анализ его архитектурных остатков позволяет достаточно полно представить, что собой представляла постройка в замке Фуна и получить материал для ее графической реконструкции (рис. 6, 2). Размеры башни на Тешкли-Буруне — 16,6х9,6 м (фунский донжон несколько меньше — 14,15(15,0)х9,68 м). Стены сохранились в высоту на 9,5—10,0 м. Башня была трехэтажной (почти во всех работах по Мангупу донжон ошибочно называют двухэтажным). Высота нижнего этажа около 3,0 м, второго и третьего — 4,5—5,0 м. Общая высота здания с кровлей не превышала 15,0 м. Толщина стен донжона на уровне этажей различна: западная стена, обращенная во фронт крепости, имеет ширину 2,2 м, южная — 2,2—2,3 м, северная и восточная — по 1,75 м (аналогичны габариты стен первого этажа и фунского донжона: за исключением западной, обращенной вовнутрь укрепления и равной 1,68 м, все стены имели толщину 2,24—2,4 м). На уровне второго этажа толщина стен сохраняется, кроме восточной, равной 1,15 м, а на уровне третьего этажа стены становятся тоньше и составляют: западная — 1,75 м, южная, восточная и северная — по 1,15 м. Таким образом, наибольшую толщину имеет стена, обращенная во фронт крепости. В нижнем этаже (в западной стене, на Фуне — в восточной) размещалась одна амбразура подножного боя и два входа: один (в северной стене) вел за пределы крепости (на Фуне такой же вход находится в южной стене), второй, в восточной стене, — во внутреннюю часть укрепления. Амбразура имеет трапецевидную в плане форму с большим основани-

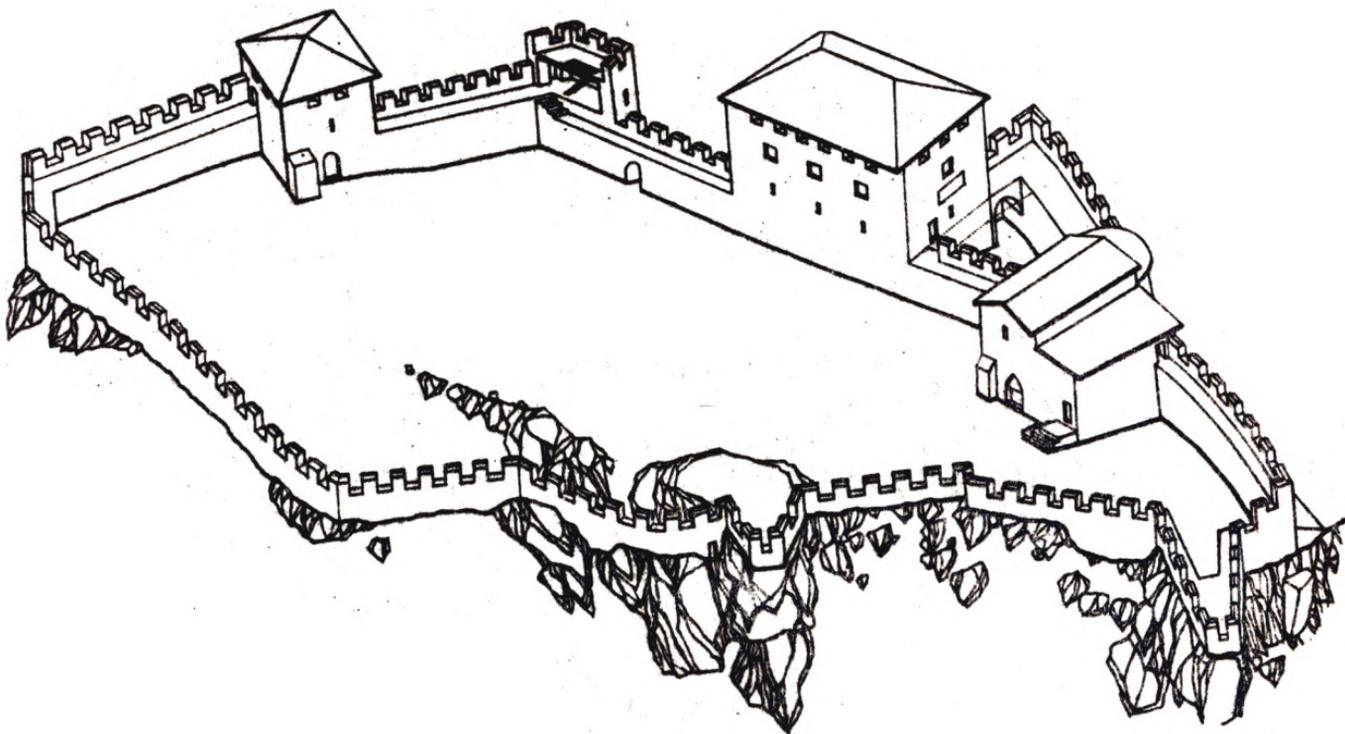

Рис. 6. Реконструкция оборонительных сооружений укрепления Фуна

ем шириной 1,9 м (на Фуне амбразура подножного боя имеет несколько меньшие размеры: ширина наибольшего основания — 1,6 м, меньшего — 0,9 м). Во втором и третьем этажах размещалось по четыре амбразуры: по три в западной и по одной в северных стенах. В южной стене на уровне второго и третьего этажей были устроены небольшие туалетные комнаты и световые окна, через которые можно было вести обстрел вдоль южной линии обороны. В южной стене во втором и третьем этажах также находилось по двери: со второго этажа дверь вела по узкому коридору к отхожему месту с выгребной ямой, расположенной за пределами башни (в фунском донжоне отхожее место находилось на втором этаже внутри башни, а слив нечистот производился по специальному каналу в выгребную яму, устроенную у основания восточной стены), дверь с уровня третьего этажа вела на боевую площадку оборонительной стены. В восточной стене мангупского донжона на уровне второго этажа находились две двери с выходом на террасу и два окна, а на уровне третьего этажа — три окна. Амбразуры донжона Мангупа почти все одинаковых размеров. В плане они представляют собой трапеции с шириной наибольшего основания 2,1—1,9 м, шириной меньшего основания — 0,7 м. Глубина камеры амбразур зависела от толщины стены, в которой она устраивалась. С наружной стороны амбразуры представляли собой узкие небольшие окна-бойницы. В широкой камере могли разместиться два арбалетчика. Из каждой амбразуры можно было обстреливать сектор шириной 60°, что позволяло полностью ликвидировать "мертвое пространство" перед башней. Высота камер — около 2,5 м. Стрелки, размещавшиеся в камерах, были защищены стеной шириной 0,6—0,7 м. Следует отметить, что часть мангупского донжона, обращенная вовнутрь укрепления имела дворцовый облик. Порталы входов и наличники окон украшены резьбой. Главным входом считался северо-восточный, портал которого украшен особенно пышным резным орнаментом из плетенки и розетки. Как была оформлена внутренняя сторона донжона крепости Фуна, сказать трудно. Но, по всей видимости, наиболее представительным и парадным фасадом был южный, обращенный в донжонный дворик. Именно здесь, перед входом в донжон, раскопками было найдено большое количество обработанных блоков известняка с элементами резьбы по камню, в том числе и известная богато декорированная плита со строительной надписью [23, с.104, рис. 5].

Проведенный анализ оборонительной системы крепости Фуна позволяет выделить три основных этапа в ее формировании (рис. 7). Первоначально основное внимание строителей было сосредоточено на организации обороны северного участка, где размещалась прямоугольная башня, обеспечивавшая фланговый и фронтальный обстрел предпольного пространства. Северо-восточный фланг прикрывала угловая башня, на верхней площадке которой, вероятно, была установлена камнеметная машина (ядра различного диаметра для баллист найдены практически

ки на всей территории укрепления). Наиболее уязвимым участком обороны укрепления конца XIV — начала XV в. была восточная куртина и особенно крепостные ворота. На втором этапе дополнительно усиливается северо-западный фланг (здесь возводится небольшая башня) и особое внимание уделяется защите воротного проезда, над которым возводится полукруглая башня. Это позволило значительно укрепить восточную линию обороны. Защитники крепости с боевой площадки воротной башни могли вести веерный обстрел предпольного пространства по всей протяженности куртин. Наличие угловой башни позволяло перекрестно простреливать участок куртины, на котором располагалась потеря и дорога, ведущая в крепость. Но и этих мер, видимо, было недостаточно для создания надежной системы обороны замка. Поэтому в 1459 г. дополнительно к восточной куртине пристраивается большая башня-донжон, который обеспечивает защиту крепостных ворот (устройство "захаб"), северо-западный участок куртины выносится вперед и устанавливается в створе с прямоугольной башней. При этой перестройке увеличивается толщина стен (с 1,6—1,8 до 2,1—3,0 м) и, очевидно, высота куртин. Таким образом, во второй половине XV в. крепость Фуна обладала сложной и хорошо продуманной системой обороны. Достаточно сказать, что расстояние между башнями замка составляет 7—15 м. Столь плотного расположения башен не имеет ни одно другое укрепление средневековой Таврики этого времени.

Точное время возведения замка у селения Фуна (впервые упоминается под 1384 г. [9, с.460]) пока установить не удалось. Вероятно, в 80-е гг. XIV в. крепость уже существовала. Первый пожар и разрушение укрепления происходит не ранее 1423—1425 гг. (это подтверждается находкой в слое пожара серебряной монеты, чеканенной в эти годы) и не позднее 1459 г., когда замок уже был восстановлен. В этот промежуток времени (1423—1459 гг.) произошло несколько событий, которые могли послужить причиной гибели крепости. Обычно разрушение укреплений феодоритов, располагавшихся на Южном берегу, связывают с походом Карло Ломеллино (1434 г.). Но первые столкновения между генуэзцами и феодоритами относятся еще к началу 20-х гг. XV в. В январе 1421 г. консул Каффы направляет на Мангуп в сопровождении пяти чиновников Георгия Ваху, которому, видимо, было поручено урегулировать спорные вопросы. Но эта миссия, очевидно, не достигла поставленной цели, и в 1422 г. между Каффой и Мангупом начались военные действия. Яблоком раздора выступал Чембало — город с удобной гаванью, захваченный генуэзцами у греков еще в середине XIV в. Правитель Мангупа Алексей также выражал свои претензии на прибрежные территории Готии [34, с. 202]. Для организации защиты Готии и Чембало в октябре 1422 г. правительство Каффы отпускает из казны 16460 аспров. В ноябре того же года еще большая сумма выделена для ремонта оборонительных стен и защиты Алушты [34, с.202]. Очевидно, что в это же время ведут подготовку к войне и феодориты: в ожидании

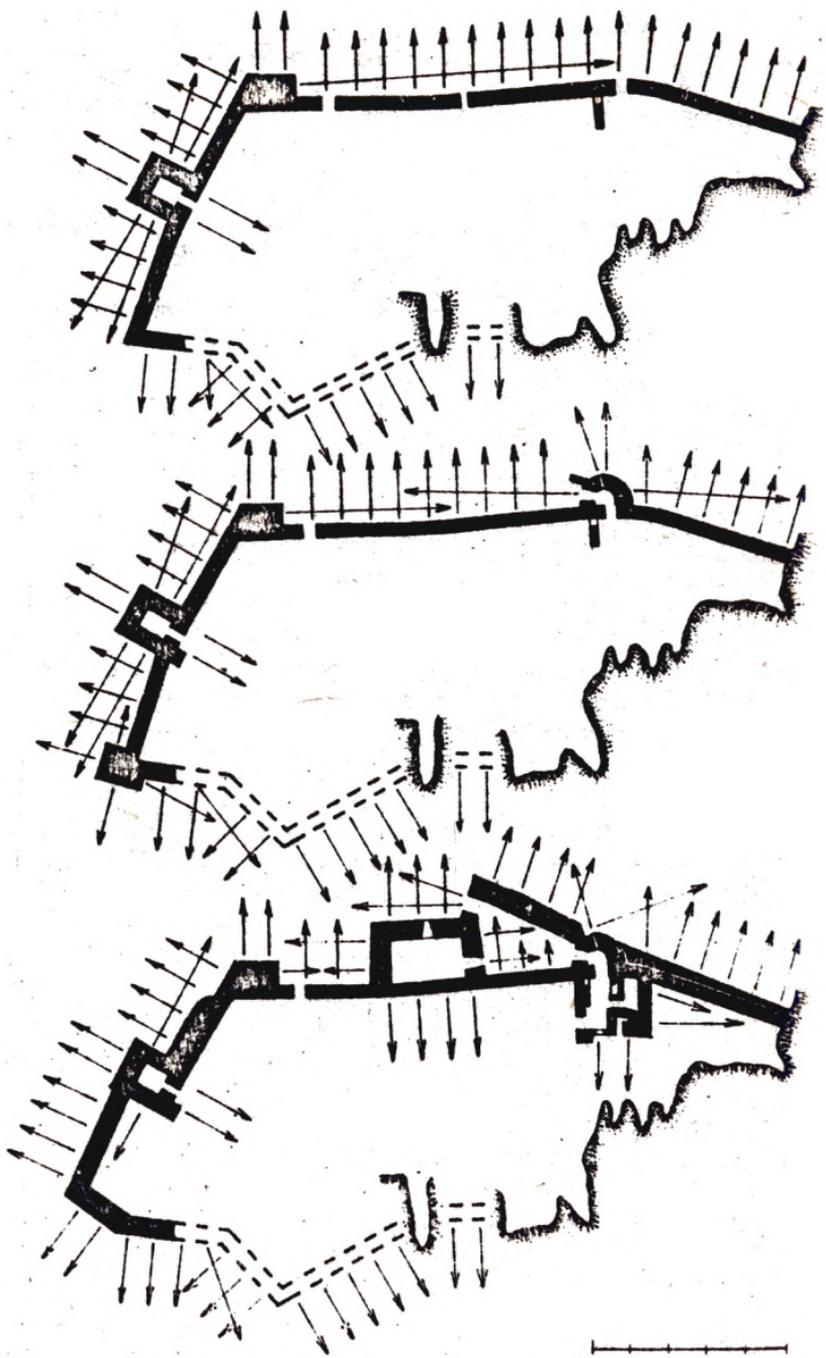

Рис. 7. Схема развития системы обороны замка Фуна:
 1 — конец XIV в.; 2 — первая четверть XV в.; 3 — 1459—1475 гг.

нападения генуэзцев производится усиление оборонительных сооружений ближайшей к Алуште крепости — Фуны (вероятно, к 20-м гг. XV в. можно отнести ее второй строительный период).

В 1423 г. снаряжается несколько кораблей для войны с князем Алексеем. Выделяются и дополнительные средства для усиления гарнизона Чембало. Но этих мер оказалось недостаточно, и феодоритам удалось на короткое время захватить Чембало. Благодаря энергичным действиям Пьетро Джiovани Майнерио генуэзцы быстро вернули город. Для охраны побережья в 1433 г. снаряжается специальная галера под командованием Марко Спинула де Лукуло, которая должна была курсировать между Солдайей и Чембало [34, с.203]. Во время военных действий 1423 г. в Каламину направляется корабль во главе с Негро ди Негро, за что ему была обещана некоторая сумма для организации охраны этой важной части Готии. Вероятно, в это же время в Каламите пытаются закрепиться и феодориты, начавшие строительство крепости. Действия ди Негро, видимо, не имели особого успеха, потому что ему еще в 1426 г. власти Каффы не выплатили обещанной суммы [34, с.203].

В начале 1424 г. военные действия между генуэзцами и феодоритами были прекращены. Из Каффы к Алексею направляется посол Симон Армянин, являвшийся членом городского суда. Но отношения между обеими сторонами продолжают оставаться напряженными. Генуэзцы предпринимают энергичные меры к укреплению Чембало, увеличивают гарнизон и создают в крепости четырехмесячный запас продовольствия и вооружения [34, с.204].

Князь Алексей, не добившись в ходе войны 1423 г. выхода к морю через Чембало, начал строительство крепости в Каламите, которое завершил в 1427 г. С этого времени Каламита становится единственным портом княжества, через который Алексей поддерживал связи и торговал с Трапезунтом, Синопом, Венецией, Молдавией и другими причерноморскими государствами. Строительство крепости и порта в устье р.Черной генуэзцы рассматривали как грубое нарушение их монопольного права на владение побережьем Готии и торговли на Черном море.

Во время подготовки к войне 1423 г. князь Алексей, видимо, произвел перестройку крепости Фуна. Этими действиями можно объяснить стремление администрации Каффы усилить оборону Лусты. Наше предположение подтверждается и материалами раскопок замка, где выявлены следы перестройки, произведенной, вероятно, в первой четверти XV в. Замок Фуна противостоял Алуште на протяжении нескольких десятилетий, пока этот небольшой приморский город не перешел под контроль владетелей Мангупа — около 1474 г. [19, с.72—94]. Таким образом, война 1423 г. не была для феодоритов столь бесплодной, как это считал А.А.Васильев [34, с.205]. Не достигнув закрепления своей власти над Чембало, князь Алексей воздвиг крепость в Каламите. Феодориты добились выхода к морю в одном пункте, хотя ими, по всей

видимости, намечался захват Алушты и Чембалю (именно на усиление обороны этих двух крепостей генуэзцы выделили значительные суммы). В качестве плацдарма для захвата Алушты могла быть использована Фуна, а для захвата Чембалю — Каламита.

С 1424 по 1433 г. военных столкновений между феодоритами и генуэзцами источники не отмечают. Но строительные надписи 1425 и 1427 г. князя Алексея имеют и явно политическое звучание, поскольку в них мангупский правитель величает себя "владельцем Феодоро и Поморья", а это показывает, что он не отказался от своих претензий на овладение всем побережьем от Алушты до Чембалю [18, с.26—27].

В 1431 г. между Генуей и Венецией вспыхнула война, которая закончилась в 1433 г. победой республики св.Марка. Хорошо информированный венецианцами о военных неудачах Гунуи Алексей начинает подготовку к борьбе за Чембалю и побережье Готии, опираясь на сеть возведенных укреплений. В конце февраля 1433 г. в Чембалю вспыхнуло восстание горожан, которые выступили на стороне Алексея, и город перешел под власть мангупского князя. Консул Каффы предпринял попытку отвоевать крепость сходу, как это было сделано в 1423 г., но генуэзцев на этот раз постигла неудача [16, с.111]. В июне 1433 г. из Перры в Чембалю был направлен флот под командованием Бартоломео де Левонто [34, с.208]. Феодориты оказали столь упорное сопротивление, что генуэзцы вынуждены были отступить. Неудачи Каффы в борьбе с Мангупом в 1433 г. привели к тому, что Готия оказалась под властью Алексея.

Захвату Чембалю в феврале 1433 г. предшествовала длительная переписка между консулом Каффы Батистой де Форнари и Алексеем. Мангупский князь требовал передачи ему всей прибрежной части, а консул, не рассчитывая на собственные силы, всячески затягивал время [16, с.110]. На этот раз Каффа вынуждена была обратиться за помощью в Геную. На ссуду, предоставленную банком св. Георгия, была снаряжена эскадра из 20 галер, на которые было посажено 6 тыс. солдат. Карательную экспедицию в Таврику возглавил адмирал Карло Ломеллино [16, с.111, 116]. Генуэзцы захватили Чембалю, сожгли оставленную жителями Каламиту и ограбили побережье Готии, "требуя от жителей полной покорности генуэзцам" [16, с.118].

После 1434 г. военные столкновения между генуэзцами и феодоритами продолжались еще на протяжении семи лет. Князь Алексей явно не был удовлетворен результатами войны, поскольку он не только не смог удержать Чембалю, но и потерял Каламиту. Стремясь отрезать выход к морю, генуэзцы начали перестраивать крепость в устье р.Черной: была полностью реконструирована северная линия обороны с тремя башнями. Но генуэзцы не успели усилить восточный участок крепостной стены, и он остался не переделанным до захвата Каламиты турками в 1475 г. В 1438 г. генуэзцы предприняли нападение на земли Алексея, которые были опустошены [34, с.210]. Нападениям подверглись при-
168

брежные территории. Ни разу генуэзцы не предприняли похода внутрь горного Крыма. Мир с Алексеем был заключен только в 1444 г. Подписание мирного договора между Кафкой и Мангузом, Генуей и Венецией в 1441 г. не было случайностью, а диктовалось тесной взаимосвязью политики Венеции и Феодоро [34, с.216]. Особо следует отметить, что Венеция, обладавшая меньшей силой на Черном море, пыталась создать коалицию из нескольких государств против Колонии Генуи на побережье Понта. Уже в первой половине XV в. в той или иной степени в борьбу против Генуи были втянуты Трапезунд, Крымское ханство, Феодоро, Молдавия и др. Обострение отношений между генуэзцами и Иоанном IV привело к тому, что в 1446 г. у стен Каффы появился флот Трапезундской империи под командованием деспота Давида (эскадра состояла из 13 галер) [10, с.113]. Действия Давида Комнина были поддержаны мангупским князем Олубеем и Хаджи-Гиреем. Каффа была вынуждена откупиться продовольствием и подарком для деспота [33, с.62]. Видимо, к этому времени Иоанну IV удалось создать антигенуэзскую коалицию, поскольку одновременно с Давидом против генуэзцев выступили правители Кастамона, Синопа и др. [33, с.30–31; 32, с.6]. Для стоянки своего флота на побережье Крыма Давид использовал порт Каламиты, которая к тому времени уже находилась в руках феодоритов.

Но конфликт 1446 г. не получил дальнейшего развития, потому что в 1447 г. побережье Крыма и Трапезунда подверглось нападению турок, и враждующие стороны уже в 1448 г. поспешили пойти на примирение перед лицом общей опасности — агрессии османов [33, с.47–48, 32, с.7–8]. Таким образом, уже к середине XV в. нарастающая угроза турецкого завоевания заставляет припонтийские государства воздержаться от выяснения отношений при помощи оружия, решая их путем переговоров. Кроме соглашений о взаимопомощи, предпринимаются меры по укреплению обороны городов и замков. Тем же были озабочены и власти Каффы, и князь Мангупа.

В 1454 г. Мехмед II направил в Черное море большую эскадру (56 бирем). Потерпев неудачу у стен Четатя Албе (Белгород-Монкастро) и Каффы, турецкий флот прошел вдоль побережья Крыма, грабя на своем пути население Готии. Штурмовать крепости турки, видимо, не решились, и поэтому замки генуэзцев и господ Феодоро не пострадали. Слой пожара первой половины XV в. выявлен только при раскопках Каламиты (здесь он достаточно точно датируется июнем 1434 г.) и замка у селения Фуна, которое принадлежало князю Мангупа Улубею. В 1459 г. он восстанавливает этот замок и передает своему сыну, соправителю и наследнику Александру, который владел замком до 1472 г. [23, с.113], когда после смерти отца он вынужден был бежать к своему шурину — молдавскому господарю Стефану III, спасаясь от преследований для Исаака, узурпировавшего власть. Тот факт, что на Фуне находилась резиденция княжича Александра — еще раз подчерки-

вает стратегическую значимость этого укрепления в системе обороны Феодоро.

Рассмотренный выше материал позволяет говорить, что стратегия и тактика обороны княжества Феодоро строилась с учетом реального противника на каждый период времени. Если в VI—XIII вв. для византийских владений в Крыму наибольшая опасность исходила со стороны степи, занимаемой кочевниками, то примерно столетие (40-е гг. XIV — 40-е гг. XV в.) проходит в борьбе с генуэзской Колонией, захватившей побережье Таврики. Поэтому система обороны княжества Феодоро строится уже на организации защиты от противника, обладающего сильным флотом и применяющего тактику морского десанта. Во второй половине XV в. опасность со стороны моря возрастает в связи с захватом в 1453 г. турками Константинополя. Феодориты отдавали предпочтение не "линейной", а "локальной" (центрической) форме обороны, когда на пути следования неприятеля располагались не заградительные стены, а отдельные укрепления — центры организации защиты определенного небольшого горного района. Крепость Фуна в системе укреплений, расположенных вдоль границ княжества, играла роль стратегически важного опорного пункта, сдерживая продвижение генуэзцев в глубинные горные районы.

1. *Архив Крымского областного краеведческого музея // Фонд А.Л. Бертье-Делагарда. — Д.14. — Л. 31, 32.*
2. *Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. — Симферополь, 1918. — № 55. — С.1—44.*
3. *Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — Симферополь, 1920. — № 57. — С.2—134.*
4. *Веймарн Е.В., Лобода И.И., Плюро И.С., Чорев М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. — Киев: Наук. думка, 1974. — С.123—139.*
5. *Герцен А.Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. — Свердловск, 1983. — С.88—104.*
6. *Герцен А.Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. — Ростов-на-Дону, 1989. — С.38—45.*
7. *Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. — Киев: Наук. думка, 1974. — С.5—56.*
8. *Дероко А. Средневековани градови у Србији Црно Гори и Македонији. — Београд, 1950. — 214 с.*
9. *Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. — 1867. — Т.6. — С.443—473.*
10. *Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. — М., 1981. — 232 с.*
11. *Кеппен П.И. О древностях южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. — СПб., 1837. — 409 с.*
12. *Келлер К. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С.372—396.*
13. *Кирилло В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Дати-*

- ровка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С.62–73.
14. *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. – Л., 1984. – 274 с.
 15. *Козонашвили К.К., Махнева О.А.* Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. – Киев : Наук. думка, 1974. – С.111–123.
 16. *Колли Л.П.* Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК. – Симферополь, 1913. – № 50. – С.99–139.
 17. *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. – Киев, 1914. – 154 с.
 18. *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. – 1933. – № 71. – 47 с.
 19. *Милицын С.А.* Дело братьев Гуаско // С.А.Секиринский. Очерки истории Сурожа. – Симферополь, 1955. – С.73–93.
 20. *Мыц В.Л.* Раскопки в горном Крыму // АО 1980 г. – М., 1981. – С.288–289.
 21. *Мыц В.Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. – 1987. – № 2. – С.228–245.
 22. *Мыц В.Л.* Средневековые укрепления Горного Крыма X–XV вв. // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Киев, 1987. – 17 с.
 23. *Мыц В.Л.* Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев : Наук. думка, 1988. – С.97–114.
 24. *Нестеренко Т.Е.* Заключение по результатам исследований древних строительных растворов крепости Фуна // Проект ремонтно-реставрационных работ. – Архив Ин-та Укриврокреставрация. – Киев, 1987. – 25 с.
 25. *Рапопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. – 1961. – № 105. – 242 с.
 26. *Репликов Н.И.* Археологическая карта Крымского нагорья // Архив ЛЮИА. – (1948). – Ф.10. – Д.9. – 320 с.
 27. *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1976. – 96 с.
 28. *Секирский С.А.* Очерки истории Сурожа IX–XV веков. – Симферополь, 1955. – 104 с.
 29. *Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С.84–113.
 30. *Харбова М.* Оборонительны съоружения в българското средновековие. – София, 1981. – 211 с.
 31. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. – 230 с.
 32. *Vanesi N.* Le conflit entre Genes et l'empire de Trebizonde a la veille de la conquete turque (1418–1449) // SBN. – V. – (Atti del V.Congresso Int. di Studi Bizantini), 1939. – P.4–10.
 33. *Jorga N.* Notes et extraits pour servir a l'histoire des Croisades au XV-e siecle // POL. – 4–8. – 1896. – 1900. – P.27–48.
 34. *Vasiliev A.A.* The gothe in the Crimea. – Cambridge, Massachutttes. – 196. – 293 p.
 35. *Saleh C.-I.* Dictionnaire des Chateaux et des Fortifications du Moyen en France. – Strasbourg, 1979. – 804 p.